

ИВАН ЕФРЕМОВ
Лезвие бритвы

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е92

Разработка серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке *Лео Хао*

Ефремов, Иван Антонович.

Е92 Лезвие бритвы / Иван Ефремов. — Москва : Эксмо, 2019. — 608 с.

ISBN 978-5-04-099565-3

С молодых лет русский ученый-психофизиолог Иван Гирин ищет разгадку необыкновенных возможностей человеческой психики. Поиски приводят его то в далекую Индию, где Гирин помогает молодому индийскому художнику выручить из беды танцовщицу Тиллотаму, то в жаркую Африку, где ученый знакомится с итальянской съемочной группой, обнаружившей загадочную черную корону, в свое время едва не погубившую Александра Македонского. Чем дальше углубляется Гирин в волнующую его научную проблему, тем крепче становится его уверенность в том, что истина и красота — это острейшее лезвие бритвы, пройти по которому человечеству еще предстоит...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099565-3

© И. А. Ефремов, наследники, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Об авторе и книге

Дорогие читатели!

С удовольствием представляю вам замечательный роман всемирно известного писателя, одного из виднейших представителей советской научно-социальной фантастики Ивана Антоновича Ефремова — «Лезвие бритвы».

Личность И.А. Ефремова и его литературный дар поистине уникальны. Строгая логика, склонность видеть четко выстроенную систему в художественном произведении — вот главные черты ефремовского стиля. Широта его интересов и объем знаний поражают воображение. Профессиональный геолог, ведущий палеонтолог Советского Союза, доктор биологических наук, основатель тафономии — науки о закономерности образования местонахождений ископаемых остатков организмов, Иван Ефремов стремился проникнуть в глубинные закономерности развития природы и общества, всесторонне изучал эволюцию цивилизации, во всех своих произведениях отстаивая собственную гипотезу исторического пути развития человечества. Основой учения Ефремова стало наследие академика В.И. Вернадского, которого Иван Антонович считал одним из величайших ученых всех времен. Философские идеи Вернадского о ноосфере и ноосферной цивилизации нашли широкое отражение в произведениях Ефремова.

Несмотря на то что Иван Антонович занимался естественными науками, его системный подход, философия, социальные взгляды вполне применимы и к инженерному искусству. Так, в главном литературном труде Ефремова — романе «Лезвие бритвы» органично переплетаются и приключения, и фантастика, и любовная история, и множество других линий. Но основа, сердцевина произведения — красота, понимание прекрасного как высшей драгоценности нашего мира. *«Красота — это наивысшая степень целесообразности, степень гармонического соответствия и сочетания противоречивых элементов во всяком устройстве, во всякой вещи, всяком организме»* — эти слова принадлежат самому И.А. Ефремову.

И мы — исследователи, инженеры — тоже должны стремиться к красоте воплощения наших идей. Только такая гармоничная, сложная техническая система, как, например, самолет, двигатель, ракета, может продемонстрировать все свои возможности и всю свою эффективность. И едва ли не лучшей иллюстрацией этого постулата может служить «конструкторская» поговорка нашего выдающегося двигателестроителя Николая Дмитриевича Кузнецова, которую я когда-то услышал от него при встрече: «Что приятно для глаза, то полезно для газа». Может быть, и по этой причине отечественные авиационные двигатели были лучшими в мире? А ведь если оглянуться

вокруг — сколько красоты и гармонии в природе! И недаром в последние годы все интенсивнее развивается такое направление, как бионика — наука, пограничная между биологией и техникой, решающая инженерные задачи на основе анализа структуры и жизнедеятельности организмов. Перенимая «опыт» природы, можно создавать технические системы, уникальные по своим характеристикам, являющие собой сплав красоты, функциональности, простоты и прочности. А сейчас, на этапе становления во всем мире нового технологического уклада, единственным пока способом создания таких биоморфных изделий является применение аддитивных технологий, дающих возможность, например, вырастить «деталь в детали» или деталь с переменными по толщине свойствами материала, изготовить сетчатые конструкции и другие изделия крайне сложной конфигурации, которые невозможно получить ни литьем, ни механической обработкой. Важной и уникальной особенностью этих технологий является возможность изготавливать детали, спроектированные на основе бионических принципов, то есть попытаться максимально повторить объект — как если бы его создала сама природа (например, эндопротез пустотелой кости). И мы, во Всероссийском научно-исследовательском институте авиационных материалов, который я возглавляю уже более двадцати лет, одними из первых в стране начали изучать и развивать аддитивные технологии, в том числе и на принципах бионического дизайна и топологической оптимизации. Можно с уверенностью сказать, что, создав в институте полный цикл аддитивного производства, мы повторили эволюцию живой природы: от первых макромолекул (исходные материалы шихтовой заготовки) — через создание клеток (порошковые композиции) — до возникновения высоко развитых организмов (полученные конструкции). И будущее именно за такими конструкциями.

Но есть и еще одна особенная грань красоты, которую Иван Ефремов открывает нам через слова главного героя романа «Лезвие бритвы» Ивана Родионовича Гирина: *«...красота — это правильная линия в единстве и борьбе противоположностей, та самая середина между двумя сторонами всякого явления, всякой вещи, которую видели еще древние греки и назвали аристон — наилучший, считая синонимом этого слова меру, точнее — чувство меры. Я представляю себе эту меру чем-то крайне тонким — лезвием бритвы, потому что найти ее, осуществить, соблюсти нередко так же трудно, как пройти по лезвию бритвы, почти невозможному из-за чрезвычайной остроты».*

Это чувство меры должно красной нитью проходить через всю инженерную деятельность. К сожалению, об этом часто забывают, и тогда многое в нашей жизни теряет гармонию, а технологические новшества, вместо того чтобы менять общество к лучшему, раздвигать горизонты познания, выводить цивилизацию на новый уровень, заставляют нас топтаться на месте.

В полной мере это относится к цифровым технологиям, пронзившим нашу жизнь от начала до конца. Безусловно, они полностью меняют коммуникативные практики: системы мгновенного обмена сообщениями, социальные сети, мобильные репортажи упрощают нашу жизнь, делая ее более комфортной и интерактивной, но в то же время мы попадаем

в «цифровое рабство». Фактически, мы идем по «лезвию бритвы» — тонкой грани между пользой, которую привносят в нашу повседневность цифровые технологии, и неизбежным, очевидным вредом.

Если проводить аналогии, «цифра» — это обладающий загадочными свойствами минерал — хиастолит, вокруг которого разворачиваются события в романе. В наше время цифровые технологии — это необходимый каждому «хиастолит», свойства которого неизвестны, так же как неизвестны и последствия от обладания им. Но при этом следует задать себе вопрос — нужно ли нам это?

Цифровые технологии должны стать инструментом, средством, в первую очередь технологическим, для улучшения жизни и производства, а не самоцелью, что мы в настоящее время наблюдаем. Великолепные возможности прогресса, причем не только научно-технологического, но и социального характера, предоставляемые вычислительной техникой, оказались невостребованными. Использование цифровых технологий преимущественно в сфере развлечений все больше сталкивает мировую цивилизацию с тончайшего лезвия бритвы в свободное падение. Комфортная технологическая ловушка создает для нас иной, гораздо более совершенный уровень реальности, но наполняет нашу жизнь новыми вызовами: чем больше дел за нас делают умные устройства, тем меньше мы контактируем с естественной средой, не испытывая больше потребности тренировать свое тело и мозг. Мы растворяемся в социальных сетях, теряя свою индивидуальность и красоту, а в результате общество может превратиться из объединения людей со свободной волей в конгломерацию бездушных механизмов, поддающихся тотальному контролю.

Я всегда был и остаюсь сторонником развития цифровых технологий, которые призваны облегчить труд ученого, инженера, конструктора и пользователя технической системы. Но не нужно забывать, что вершина эволюционного развития — это люди, и мы должны подчинять себе «цифру», а не она нас. Мы должны вернуться на тонкую грань — «лезвие бритвы», пока еще такая возможность есть.

* * *

Есть еще одна веская причина, по которой я давно заинтересовался творчеством Ивана Антоновича. Книги Ефремова определили жизненный путь самых разных людей — от участников мирового коммунистического движения до ученых и космонавтов. И причина достаточно проста — его вера в справедливое общество и убежденность в необходимости научного прогресса.

Как и Ефремов, я уверен, что без построения социальной, и даже социалистической, модели общества невозможно создать по-настоящему развитое и в духовном, и в технологическом плане, народное государство, учитывающее интересы всех своих граждан, где высшей целью человека является благополучие всего общества. И прав Иван Родионович Пирин: *«...Другого пути у человечества нет — общество должно быть устроено как следует. Разумеется, социализм без обмана, настоящий, а не национализм и не фашизм».*

А научный прогресс всегда будет фундаментом, на котором основывается развитие гармоничного общества. И одним из двигателей научного прогресса, как это ни парадоксально звучит, является научная фантастика, которая позволяет развивать воображение, стремиться к тому, чтобы свершилось самое невероятное. В произведениях фантастов рассказывается о том, что еще не существует в реальности, но не противоречит законам научно-технического развития. Еще каких-то 30–40 лет назад многое, что теперь стало для нас повседневным и обыденным — компьютеры, которые всегда с собой, возможность мгновенной коммуникации между людьми в любом уголке земного шара, беспилотные системы, да и те же аддитивные технологии, позволяющие в буквальном смысле выращивать конструкции из любого материала, и многое другое, — казалось чем-то недостижимым, нереальным. А ведь значительная часть этих невероятных технических новшеств появилась именно благодаря тому, что люди почерпнули идеи из фантастических произведений и поверили в свои силы, в возможность преодолеть ограничения, накладываемые существующим технологическим уровнем. И это неудивительно — многие допущения и предположения фантастов строятся на логических выводах и имеют под собой прочную научную основу.

Безусловно, ученым, исследователям, инженерам нужно читать фантастику, но фантастику социальной направленности, гуманистическую, заставляющую задуматься не только о технической стороне, но и об ответственности перед обществом за свою работу. И это полностью созвучно убеждению Ефремова в том, что все в мире подчинено определенным законам эволюции, знание которых необходимо человеку для правильного понимания своего места в мире, однако наука ведет в пустоту, если за ней не стоит философия. В своих произведениях он объединил научный и духовный поиск, продемонстрировав читателям поэзию познания природы и могущество человеческого разума. Я убежден, что подобная литература оказывает неоценимую поддержку в деле воспитания молодого поколения, пробуждая в молодых людях интерес к науке и помогая им сделать осознанный выбор жизненного пути. И.А. Ефремов говорил об этом в одном из интервью:

«Великая педагогическая задача научной фантастики — показать неисчерпаемость научного поиска, научить людей его великой радости. ... Человеческий мозг не может не искать и всегда будет искать... Если переклочить сознание на высшую ступень исканий, интерес человека органически сольются с интересами общества. Смешно поэтому говорить, что в будущем жить будет скучно. Ведь мы только сейчас начинаем понимать, как безгранично сложна и как мало еще познана природа».

И я хотел бы, чтобы читатели, вне зависимости от их возраста, рода занятий и убеждений, в своей жизни руководствовались великолепным высказыванием гениального Леонардо да Винчи: «Кто знает — тот может. Только бы знать — и крылья будут».

*Генеральный директор ФГУП «ВИАМ»,
академик РАН, профессор
Е.Н. КАБЛОВ*

Лезвие бритвы

Пролог

Все быстрее нарастает познание в современном мире. Обрисовывается точнейшая взаимосвязь, обусловленность кажущихся различными явлений мира и жизни. Всеобщее переплетение отдаленных случайностей, вырастающее в необходимость, то есть в законы природы, пожалуй, самое важное прозрение современного человека.

И в человеческом существовании незаметные совпадения, давно наметившиеся сцепления обстоятельств, тонкие нити, соединяющие те или другие случайности, вырастают в накрепко спаянную логическую цепь, влекущую за собой попавшие в ее орбиту человеческие жизни. Мы, не зная достаточно глубоко причинную связь, не понимая истинных мотивов, называем это судьбой.

Если проследить всю цепь, а затем распутать начальные ее нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой. Отсюда начинается долгий ряд событий, неизбежно долженствующих сблизить совершенно чужих людей, живущих в разных местах нашей планеты, и заставить их действовать совместно, враждую или дружа, любя или ненавидя, в общих исканиях одной и той же цели.

5 марта 1916 года в Петрограде, на Морской, открылась выставка известного художника и ювелира, собирателя самоцветных сокровищ Урала Алексея Козьмича Денисова-Уральского.

Еще внизу, в гардеробной, где суетились, угодливо кланяясь, слуги, веяло слабым ароматом французских духов и проплывали, шелестя тугими платьями, дамы, можно было заключить, что выставка пользуется успехом. «Речь» и «Петроградские ведомости» одобрили «патриотическое художество», посещение выставки стало считаться в столичном «свете» тоже патриотичным.

Низкие залы казались пустоватыми и неудобными в тусклом свете пасмурного петроградского дня. В центре каждой комнаты стояли одна-две стеклянные витрины с небольшими скульптурными группами, вырезанными из лучших уральских самоцветов.

Камни излучали собственный свет, независимый от капризов погоды и темноты человеческого жилья.

Худощавый молодой инженер в парадном сюртуке так глубоко задумался у одной из витрин, что только прикосновение к плечу заставило его обернуться, встретить приветливой улыбкой крупного человека с острой бородкой, щегольски одетого.

— Ивернев, — зову, Максимилян Федорович, — зову, не откликается. Горняцкое сердце взыграло от камней? И где это Алексей Козьмич такие откапывает?

— Собирались сотней людей и десятками лет, — возразил инженер на последний вопрос. — Хороши, в самом деле... Но вот я стоял и думал...

— Ага! Не стоило такие камни и такое умение на пустяки тратить!

Молодой инженер встрепенулся.

— Как вы правы, Эдуард Эдуардович! Да пойдете посмотрим еще раз.

Они обошли выставку, ненадолго задержавшись у каждой из скульптурных групп-миниатюр, как назвал их сам художник. Белый медведь из лунного камня, редкого по красоте, сидел на льдине из селенита, как бы защищая трехцветное знамя из ляпис-лазури, красной яшмы и мрамора, а аметистовые волны плескались у края льдов. Две свиньи с человеческими лицами из розового орлеца на подставке из бархатно-зеленого оникса — император Австро-Венгрии Франц Иосиф и султан турецкий Абдул Гамид — везли телегу с вороном из черного шерла, в немецкой каске с острой пикой. У ворона были знаменитые усы Вильгельма Второго — торчком вверх.

Дальше британский лев золотисто-желтого кошачьего глаза; стройная фигурка девушки — Франции, исполненная из удивительно подобранных оттенков амазонита и яшмы; государственный русский орел из горного хрусталя, отделанный золотом, с крупными изумрудами вместо глаз... И опять — Козьма Крючков со знаменитой пикой и насаженными на нее немцами из змеевика на подставке из редкостного малахита небывало густого цвета, толстый султан-свинья из полированного мориона, улепетывающий от топазового английского единорога на берегу Черного моря — широкой пластины из гематита (красного железняка), кровавый отлив в отшлифованной черноте которого как бы напоминал о льющейся в Дарданеллах крови...

Искусство художника-камнереза было поразительно. Не меньше восхищало редкостное качество камней, из которых были вы-

полнены фигурки. Но вместе с тем становилось обидно, что такое искусство и материал потрачены на дешевые карикатуры, годные для газетенки-однодневки, «недопрочитанной, недораскрытой».

— Довольно, пожалуй, — вздохнул инженер Ивернев.

— Довольно, — согласился его спутник, известный геолог Анерт, и повел рукой по направлению к дальней стене, где висели картины — модели уральских горных разработок. Гипсовые барельефы, отделанные натуральными породами, показывали в разрезе шахты и пещерки с согбенными черными фигурками горщиков — искателей самоцветов.

В витринах-столиках, расставленных вдоль стен и окон, сверкала нетронутая природная красота: сростки хрусталя, друзы аметиста, щетки и солнца турмалина, натеки малахита и пестрые отломы еврейского камня...

— Видите, Максимильян Федорович, — Анерт кивнул на маленького мальчишку лет восьми, с круглой белой головенкой и огромными голубыми глазами, зачарованно уставившегося на витрину с горками, — вот где оно, настоящее, что и младенцу понятно...

Горки, издавна прославившие екатеринбургских мастеров, особенно хорошо удавались Денисову-Уральскому и шли нарасхват, так же как и его коллекции уральских камней в больших и малых ящиках с клеточками-гнездами.

Горка — особый способ экспозиции камней, теперь незаслуженно забытый, но очень распространенный в начале века. Различные куски красивых горных пород склеиваются так, что образуют модель заостренной скалы с глубокой пещеркой у подножия, иногда несколькими. Игольчатые кристаллы берилла, турмалина, а то и просто наколотые столбики отдельностей гипса-селенита изображают сталактиты в сводах пещерок. В глубине сверкают щетки мелких кристалликов горного хрусталя, аметиста, топаза или синего корунда. Уступы «скалы» украшены искусным подбором полированных кусочков агата, малахита, азурита, красного железняка, амазонита. Кое-где вклеены черные зеркалаца биотита, а в стенках «пещер» блестят, подсвечивая прозрачные камни, листочки белой слюды — мусковита или цинвальдита.

Именно у такой горки, самой богатой по количеству минералов, и застыл зачарованный мальчишка.

— Как тебя зовут? — погладил круглую головенку Ивернев. Мальчик нехотя поднял взгляд:

— Ваня. А что?

— Нравится горка?

— Угу!

— А что еще понравилось?

— Вот, — мальчик ткнул в штупф, добытый безвестным мастеров невесть из какой ямы в Ильменских горах, — плоский кусок желтого зернистого кварца с мельчайшими блестками слюды, по которому были разбросаны с причудливой прихотливостью короткие блестящие столбики черного турмалина, — и вот, — мальчик ринулся к другой витрине.

Рядом послышалось шуршание шелка, повеяло духами «Грезы». Инженер увидел высокую молодую даму с пышной прической пепельно-золотистых волос и такими же ясными озерами голубых глаз, как у мальчика.

— Ваня, Ваня, пойдем же, пора! Ужасно поздно! — Она поднесла к носу мальчишки браслет с крохотными часами. — Простите, господи, я должна увести сына. Он у меня чудак — не оторвешь от камней. Второй раз здесь из-за него...

— Не считайте сына чудачком, мадам, — улыбнулся Ивернев. — За необычными интересами часто кроются необычные способности. Мы по нему проверяли правильность наших собственных впечатлений.

— И не ошиблись! — склонил лысеющую голову Анерт, явно восхищенный красивой дамой.

Мать и сын удалились, а приятели продолжали лениво обходить выставку.

— Не пойти ли нам покурить? — предложил Ивернев, но Анерт остановил его жестом:

— Пойдите-ка, Максимилиан Федорович, что я! Когда вы вернулись из Туркестана, помните, вы рассказывали о том, что нашли камни, может быть, неизвестные науке. Вы собирались отдать их Денисову-Уральскому для огранки. И что же вышло?

— Что вышло — увидите, они тут, на выставке.

— Как же я мог просмотреть?

— А это значит, что ничего особенного не вышло.

Они подошли к высокой, столбиком, витринке, внутри которой на черном бархате сверкали готовые ювелирные изделия, сделанные по эскизам все того же неутомимого художника-камнереза.

— Вот они. — Инженер показал на подвеску из четырех небольших камней, прикрепленную под кулоном из желтого топаза, такого яркого, что он был виден от входа.

В камнях, на которые показал инженер, на первый взгляд не было привлекательности. Ограненные плоской «зеркальной» гра-

нюю и заделанные в модную тогда платину, камни казались серыми, сливающимися с матовым металлом оправы и цепочки. Требовался знающий глаз, чтобы понять необыкновенность самоцвета — прозрачного и в то же время пронизанного едва заметными точками с металлическим блеском. Облако этих точек, рассеянных в прозрачной основе, придавало камню его странный серый цвет и вид как бы хрустально прозрачного металла, гармонировавшего с глухой сероватостью платины.

— Э, да это вовсе не так, — возразил Иверневу после долгого молчания Анерт. — Я тоже горный инженер и тоже любитель камня. Что до Алексея Козьмича, то он просто молодец, и вы ему многим обязаны. Он сразу понял ваш самоцвет. М-да... И что вы собираетесь с этим делать?

— Право, не знаю. Я хочу оставить их себе, но боюсь, что дорого обойдется. По глупости я заранее не договорился с Алексеем Козьмичом, а ведь, вы знаете, он купец прижимистый. Опасаюсь, что шкуру сдерет за работу...

Анерт недовольно нахмурился:

— Прижимистый сами знаете почему — ему много надо денег, да не для себя — за уральское каменное мастерство воевать. А с этим где взял, а где и погорел. Не грех и заплатить как следует, у вас жалованье неплохое? Слышал я от Александра Павловича, что вам Минералогическое общество за отчет о туркестанских исследованиях прочит медаль имени инженера Антипова. Наверное, и денежная премия последует.

— Все это так, — согласился Ивернев, — но... — Он заколебался и выпалил: — Я женюсь, Эдуард Эдуардович!

— Вот что! Поздравляю! Спрошу на правах старшего, простите, — не наспех? По годам-то не рано... а вот война!

— В том-то и дело, что война! Скверная, долгая, никому не нужная. И моя Вера хочет на фронт, сестрой. Такая уж она. Что ж получится: я в Сибирь, она на фронт? А браком удержу! — улыбнулся инженер, но улыбка вышла какой-то неуверенной.

Анерт серьезно сказал:

— Коли так, помогай бог! Квартиру нашли?

— На Васильевском, хорошую.

— Зовите на свадьбу, Максимильян Федорович! Польщен признанием, как знаком дружбы. Однако насчет камней не ясно-с. Если не станете выкупать подвеску, значит, оставите Денисову-Уральскому? Лучше уж я куплю! Кстати, как вы назвали новый камень?

— Никак еще! Собирался описать, да сами знаете, какое сейчас время! Нам, геологам, никакого покоя с производительными

силами, комиссией этой, да еще затевается кое-что на Дальнем Востоке — лучше меня знаете. Война окончится, тогда, дай бог, наукой займемся!

— Двадцать две причины, а главное — не было пороху! — усмехнулся Анерт. — Боюсь, что главная тут причина не в порохе. Шерше ля фам... Ну вот что, по старой дружбе — уважьте, раз так.

— Понимаю. С действительного статского советника Анерта Алексей Козьмич сдерет так, что все ваши проповеди о пользе камнерезного дела из головы вон! Следовательно, камни я выкупаю для вас! Вы на прежней квартире живете?

— Там же, на Троицкой, 23. А вот и сам Денисов, легок на помине!

В зал вошел известный всем любителям самоцветов Денисов-Уральский. Родом из старинной горщицкой семьи, сын шахтера Березовского рудника, уроженец Екатеринбурга, этот русский самородок был «последним выдающимся мастером каменного дела в России», как называли его газеты. Юношей оставшись без отца, он сумел обеспечить семью и приобрести известность своими «наборными картинами», то есть пейзажами, собранными из камней. В конце прошлого века Денисов-Уральский, уже известный художник по камню, учился на гроши в школе Общества поощрения художеств.

Ивернев смотрел на приближающуюся знакомую фигуру с вечно растрепанной гривой непокорных волос и клочковатой бородой, обрамлявшей староверческое высоколобое лицо художника.

«Чувство меры, подлинный вкус художника почему-то изменили нашему знаменитому камнерезу, — думал геолог. — Почему? Или с известностью, деньгами, большой дачей в Финляндии оборвалась та драгоценная связь с глубиной народного искусства, которая и дает безошибочное чутье настоящего?..»

Денисов-Уральский издалека крикнул: «Здравствуйте, Ивернев!» — и тотчас отвернулся к шедшему рядом высокому человеку, продолжая разговор.

— Кто это с ним, Эдуард Эдуардович, вы ведь петербургское, тьфу, петроградское общество знаете?

— Персона довольно значительная: князь Витгенштейн!

— Ого, архимиллионер?

— Не тот! Кузеном ему приходится. И тоже богат!

— Ну тогда обождем. Пойдемте вниз и покурим, а вечером я позвоню Алексею Козьмичу на квартиру.

— Нет, я уж пойду. Мне надо в Общество русских ориенталистов, тут по соседству, на Морской, — откланялся Анерт.

Денисов-Уральский подвел князя к той самой витрине, где искрились на бархате странные серые камни.

— Вот, ваше сиятельство, редкость невиданная, — сказал он, привычно упирая на «о», так как любил щегольнуть простонародным говорком, — других таких камней в России и, почитай, во всем мире не имеется! Найдены они тем инженером, с которым я здоровался. Он и сам не знает, что это за самоцветы, и дал мне на пробу. Еще минералогии неизвестный образец!

Князь, согнувшись, долго рассматривал платиновую подвеску и, наконец выпрямив уставшую спину, провел рукой по подкрашенным усам.

Художник пытливо вглядывался в князя, стараясь разгадать, насколько он заинтересован, и как бы невзначай заметил:

— Вчера был здесь Летуновский, Николай Николаевич, знаете — миллионер, на Покровской у него особняк. Хотел сегодня жену привезти, ей показать.

— Я бы дал за них... — Князь Витгенштейн подумал и назвал сумму.

Охолодевшее лицо художника сказала ему, что цена оказалась много меньше той, на которую рассчитывал Денисов-Уральский. Это был промах. Камни понравились князю. Назови он цену, близкую к правильной, художник, конечно, уступил бы, а теперь капитуляция будет с его стороны и, как всякая капитуляция, дорого обойдется побежденному.

Чтобы выгадать время, князь захотел посмотреть камни поближе. Денисов-Уральский послал за ключом, открыл витрину, и камни, подставленные свету на окне, засверкали еще ярче своей странной металлической игрой.

Под усами художника мелькнула хитрая улыбка. Князь нахмурился и, глядя в окно, сказал:

— Хорошо, я беру камни. Сейчас. Пусть принесут футляр.